

А К А Д Е М И Я Н А У К
С О Ю З А С О В Е Т С К И Х С О Ц И А Л И С Т И Ч Е С К И Х Р Е С П У Б Л И К
Т Р У Д Ы И Н С Т И Т У Т А П О И З У Ч Е Н И Ю Н А Р О Д О В С С С Р

БЕ
34
Т78

Т Р У Д И Б Ы Т В К О Л Х О З А Х

СБОРНИК ВТОРОЙ

Колхозы Советского Востока

(Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Армения)

751/3

А. Н. БЕРНШТАМ

ТУРКМЕНСКИЙ РОД И КОЛХОЗЫ

Настоящая статья не посвящена исследованию одного определенного колхоза или района, а ставит лишь только принципиальный вопрос методологического порядка.

Изучение колхоза в развернутом виде должно производиться суммой научных сил, специалистов, дабы избежать „колхозного эмпиризма“, на который легко можно сбиться. Мною преследовалась постановка социологической проблемы, в рамках которой меня и интересует колхозный материал. Насколько мне удалось поставить эту проблему — дело критики, но и в этой теме мною намечены только вехи исследования. Я лично считаю свою работу конспектом, развертывание которого необходимо, ибо тема упирается в сегодняшний день, тема теоретически и практически нужна, и выполнить ее нужно.

Первая часть работы, периодизация архаической формации, мною сделана как фон для общей политической направленности и не представляет самостоятельного анализа взаимоотношений производительных сил и производственных отношений в первобытном обществе, а является лишь сводкой материала, имеющегося в литературном наследии Маркса, Энгельса и Ленина.

Постановка вопроса настолько широка, что вряд ли удастся этой работой дать полный ответ. Также не ставим своей задачей (для этой статьи) дать исчерпывающее объяснение взаимоотношений этих двух „институтов“ производства.

Постараемся наметить те основные вехи, по которым, казалось бы, необходимо направить этнографов при изучении колхозов. Не лишне будет напомнить, что вопросы эти имеют чрезвычайно большой жизненный интерес, что разрешение казалось бы узко-научной темы — „род“ — даст возможность вскрыть методологически „обоснованные“ корни правого уклона в Средней Азии, в частности по Туркмении: „Идеализация пережитков родового строя и особенно сильно рас-

пространенное примиренческое отношение к ним, а часто прямое потакание им, в целях их использования в личных интересах или в интересах групповой борьбы, в условиях Туркмении является одним из особенно вредных проявлений правого уклона¹.

Совершенно очевидно, что на сегодняшний день этот вопрос является актуальным. Правый уклон, как главная опасность внутри партии на данном этапе, имеет свои экономические и политические основы, в силу чего хозяйственная „конкретность“ в пределах той же Туркмении явилась причиной, придающей известную своеобразность корням правого уклона в национальной республике.

Перехожу к рассмотрению этих особенностей по Туркменской ССР, которые ее политическим руководителем — коммунистической партией — определяются как родовые пережитки, как одна из основных стимулирующих сил правого уклона. Резолюция отмечает „специфические трудности строительства социализма в Туркмении“,² в частности „влияние на аульных коммунистов и даже на значительную часть ответственных работников из местной основной национальности пережитков родового строя“.³

Все это и создает те партийные уклоны, которые смазывают классовую борьбу в деревне, сводят социализм только к количественным накоплениям техники, без учета качественно отличного содержания социализма от буржуазного общества.

Непонимание задач нового социального содержания коллективных объединений, коллективного производства — колхоза, — дает им возможность ставить знаки равенства между туркменским родом (якобы „естественным“ коллективом) и коллективным хозяйством, в результате чего смазывается классовая борьба аула. Классовая же борьба в современном ауле есть.

Род в понятии, устанавливаемом марксистами в Средней Азии, — этап пройденный. Социальные институты здесь — более поздние. Это — последние типы архаической формации, „сельские общины“ Маркса, „русская община“ Ленина, переживающая ряд лет в пределах капиталистической Азии. Это такие же пережитки, такие же остатки предыдущей формации, которые характерны для каждого определенного способа производства, классическая форма которой в чистом виде никогда не существует.

„Они (пережитки формаций, А. Б.) могут содержаться в ней (здесь Маркс говорит применительно к буржуазному обществу, А. Б.) в разви-

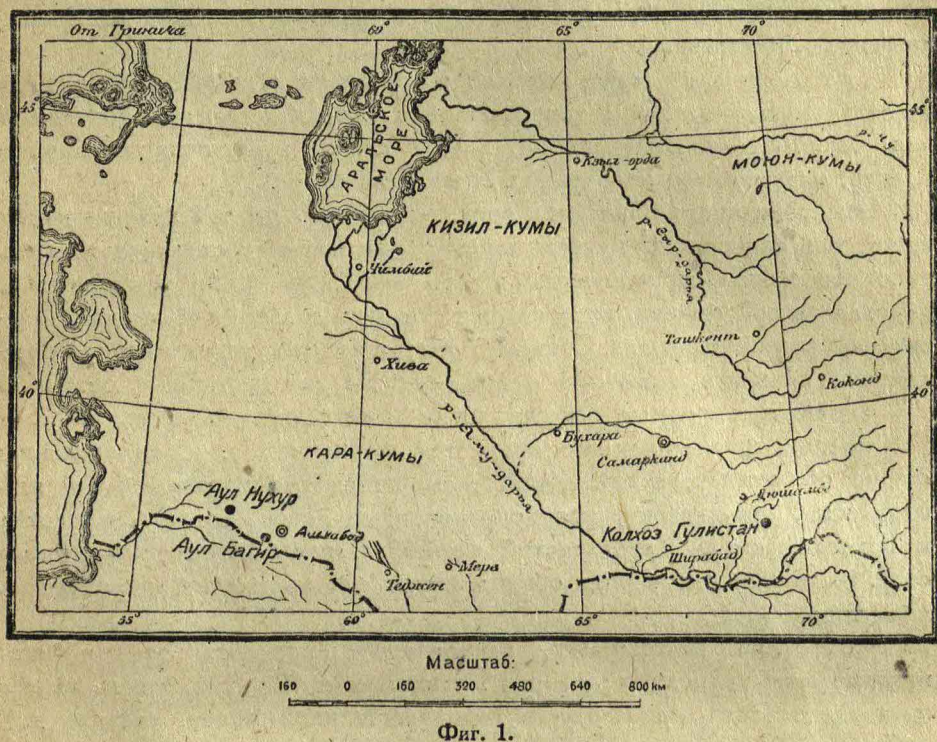
¹ Ароянштам. О правом уклоне в КП(б)Т, стр. 17.

² Из резолюций 4-го съезда КП(б)Т, стр. 18.

³ То же.

том, в искаженном, в каррикатурном, во всяком случае, в существенно-измененном виде".¹ В искаженном виде, в пределах Туркмении, мы имеем пережиточные формы рода, верней так называемого рода, неправильное понимание которого явилось одной из основ правого уклона.

Нужно установить понятие рода, которое, в строгом пользовании этим термином, не является современной экономической единицей Туркмении;

те же социальные группы, которые существуют в пределах главным образом полосы железной дороги предгорья, есть классовые капиталистические хозяйства, которые существуют часто в замаскированном виде.

Колхозное строительство сопровождается классовой борьбой. Это классовое сопротивление является, конечно, не „борьбой крови“, а активным противодействием, диалектикой истории, основанной на экономическом, имущественном разделении внутри того объединения, которое я называю не родом, а общиной.²

¹ Маркс. К критике политической экономии. Изд. 2, 1930, стр. 76.

² Надо даже называть „сельской общиной“, по терминологии Маркса, но об этом речь будет впереди.

Отождествление рода с сельской общиной, когда между коллективным владением и коллективным производством, с одной стороны, и коллективным (а иногда и частным) владением и частным хозяйством, с другой, ставится знак равенства, является крупной ошибкой. Сельская община заключает в себе те элементы, которые делают ее качественно уже отличной от рода. Мы имеем в ней „исторически незрелые общественные формы“, ¹ которые в своем развитии и дают антагонистическое общество.

Вот тот основной тезис, который я выставляю в данной работе. Если мы действительно имеем такое положение, то исторически понятна та классовая борьба, которая кипит в современном ауле, понятно сопротивление, оказываемое колхозному строительству.

Для правильного понимания социальной природы той экономической категории, социальной группы, института, с которым столкнулась практика советского строительства на Востоке, нам нужно установить то внутреннее содержание, которое, как покажет дальнейший анализ, исторически определено для Средней Азии; а именно то, что мы в повседневной практике называем родом, — сейчас уже категория, отжившая в Туркмении; ее сменила высшая, позднейшая форма — сельская община. В пределах того, что у нас именуется формацией, т. е. определенная форма общественных отношений, с ее неминуемо возникающими надстройками, характеризуемая определенным способом производства, в пределах именно архаической формации, первобытно-коммунистической, мы имеем смену ряда общественных форм менее и более сложного характера.

Необходимо восстановить исторический процесс. Это и есть историческая концепция, которая „основывается на том, чтобы, исходя из материального производства непосредственной жизни, развить действительный процесс производства и рассматривать связанную с этим способом производства и порождаемую им форму сношения, т. е. гражданское общество, на его различных ступенях, как основу всей истории, изобразив его в действительности как государство и объяснив из него все различные теоретические продукты и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д.“. ² И это единственно правильный путь для понимания категории, существующей в современности.

Архаическая формация — древнейший тип общественных отношений коммунистического порядка, для которой единственно характерной чертой является, в основном, коллективное производство и владение. Если даже понятия „владение“, „собственность“ еще не являются формирую-

¹ Маркс, там же, стр. 72.

² Архив Маркса и Энгельса, т. I, О Фейербахе, стр. 227.

щими признаками, то классический вид архаической формации — это коллективный способ производства при коллективном же владении. Если явление это для нас представляется в совершенном виде, то, очевидно, оно имеет свое возникновение, распад и ту „совершенную“ временную форму, которую мы установили для архаической формации. „Историю разложения первобытных общин (было бы ошибочно ставить их все на одну доску: подобно геологическим образованиям есть и в исторических образованиях ряд типов — первичных, вторичных, третичных и т. д.) еще предстоит написать“ (разрядка А. Б.).¹

Схему разложения следует дать, так как она объяснит нам те наслоения, которые внутри архаической формации существуют; она — „архаическая или первичная формация земного шара, состоит из целого ряда наслоений различных периодов, из которых одни ложились на другие“.²

Маркс подчеркивает ряд „социальных группировок, отличающихся друг от друга и по типу и по давности своего существования“.³

Нарочито избегая полемики с рядом авторов крупных работ по первобытному обществу, я стараюсь охарактеризовать понятие „социальных группировок“ в их исторической разностепенности, которое устанавливается Марксом и Энгельсом и работами таких ученых, как Н. Я. Марр. Последний с помощью яфетической теории дает богатый материал, дополняющий характеристику первобытного общества.

Казалось бы, легче всего для характеристики первобытного общества процитировать следующее место из „Коммунистического Манифеста“: „Внутренняя организация этого первобытного общества в его типичной форме раскрыта была Морганом, выяснившим истинный характер рода (gens) и место, занимаемое родом в племени,“⁴ и на этом успокоиться, считая законченным исследование первобытной организации. Однако, это не так.

Приведенные выше цитаты: о наслоении, чередовании социальных организаций в пределах одной архаической формации, да и сама формулировка Энгельса — „внутренняя“ в его „типичной форме“, — дают нам право утверждать о наличии разностепенных, стадийных образований. Род (gens) не исчерпывает содержание архаической формации, он — лишь типичная форма ее, не отрицающая и после возникающих образований. Если мы будем пользоваться итогами исследования Маркса и Энгельса, то мы получим требуемый материал для понимания самого рода и послеродовых образований. Яфетическая теория дает нам мате-

¹ То же, т. I, Маркс — Засулич, стр. 278.

² То же, Черновик № 2, стр. 281.

³ То же, Черновик № 3, стр. 283.

⁴ Примечание Энгельса к последнему изданию „Манифеста“.

риал для выяснения так называемого „до-родового“ состояния. Рассмотрение материала показывает, что в конечном счете ни результаты яфетической теории, ни результаты исследований Маркса и Энгельса не расходятся, а наоборот: материал яфетической теории в основном подтверждает данные марксизма.

Что же по существу мы имеем в так называемом „до-родовом“ обществе.

Исключая совершенно теории происхождения общества через моногамную парную (хочется сказать „христианскую“) семью — теории патеров Шмидта и Коперса,¹ Старке,² отчасти Каутского³ и ряда других, — целиком переходим к рассмотрению того, что устанавливает Морган⁴ и развивает в дальнейшем, вернее обосновывает экономически, Энгельс.⁵ Морган в происхождении рода отмечает кратко: „до-родовое состояние“. Привожу кратко его замечания: „Нельзя допустить, чтобы такое значительное учреждение, как род, вступило в существование вполне готовым или произошло из ничего, т. е. без основания, подготовленного предыдущим естественным развитием“. ⁶

Что род не изначальное явление, но типичное для первобытного общества, Морган на это указывает, как указывает и ряд моментов в его работе (разбор пуналуальной семьи и т. д.): „Что род произошел из классов⁷ путем естественного преобразования, настолько очевидно, что мы смело можем допустить именно такое его происхождение“. ⁸

И соединение этих классов, групп (при чем ошибка Моргана заключается в его почти единственно „кровных интересах“) дает нам род (по Моргану): „Раз эта особенная форма группового брака стала прочно установленным учреждением, было заложено основание роду“. ⁹

Таким образом создается род, при рассмотрении которого Морган и проявляет свою односторонность благодаря тому, что он игнорирует экономически сопровождавшие род предпосылки.

Устанавливая центральную типичную форму первобытного общества — род, Морган в выявленной форме социальной организации сводит все к наличию единокровной связи и в этой части делает огромное упущение, представляя род только как единокровие: „Род есть совокупность

¹ Schmidt und Koopers. Völker und Kulturen.

² К. Н. Старке. Первобытная семья, ее возникновение и развитие. 1901.

³ Каутский. Возникновение брака и семьи. Изд. 3, 1926.

⁴ Морган. Первобытное общество. СПб., 1910.

⁵ Энгельс. Происхождение семьи, собственности и государства. 1907.

⁶ Морган, там же, стр. 416.

⁷ Классы здесь не в производственном значении, а в половозрастном (А. Б.).

⁸ Морган, там же, стр. 416-417.

⁹ То же, стр. 417.

кровных родственников, которые все происходят от одного общего предка, называются одним родовым именем и связываются узами крови".¹

Приведенная цитата дает определение рода по Моргану, где определенно выступает только кровная связь, которая превозносится в единый стимул, „организующий“ социальную организацию. Совершенно очевидно, что это не совсем так. Здесь Морган допускает ошибку (которую Энгельс старается исправить в своей работе)² и сближается с чисто буржуазным исследователем Мэном, который пишет, что „община есть собрание родственников“.³ Это обычная механистическая формулировка, без учета того основного цементирующего момента, каковым является производство, особенно при первобытном коммунизме. По Мэну, земля впоследствии заступает место родства, „получая значение общественного базиса“,⁴ в то время как общественный базис при какой-то иной стадии может и не существовать?

Понятно, что Мэн просто путается в вопросах о взаимоотношении причины и следствия, переворачивая все вверх дном, и, несмотря на пользование материалистическими терминами (земля, базис), попадает на идеалистические позиции.

Нельзя допустить, что род, как центральное понятие первобытного общества — формации, мог быть порожден только кровной связью; необходимо установить ту связь, которая существовала с определенным типом производства, в результате которой мы имеем род. Род, вернее кровное родство, надо расценивать как определенное отражение производственных отношений общества, где производство имело коллективное начало и собственность (владение) была также коллективной. Однако это определение совершенно очевидно указывает на то, что кровная связь есть результат, что она имеет свою „предысторию“. На эту вот социальную „предысторию“ Морган обращал слишком мало внимания, указав только на более поздние образования и считая их единственно социальными организациями: „Род при переходе от своей первоначальной формы к заключительной прошел вместе с прогрессом человечества различные последовательные стадии развития“⁵ (разрядка А. Б.).

Эти стадии развития у Моргана идут от рода — „элементарной формы — через фратрию, племя и союз племен к народу (populus)“.

В пределах социальной „предыстории“ рода мы имеем отличные от рода организации. Здесь нам необходимо обратиться к выводам

¹ То же, стр. 62.

² Энгельс, там же. Предисловие. 1907.

³ Мэн. Древняя история учреждений, стр. 66.

⁴ То же, стр. 60.

⁵ Морган, там же, стр. 63.

яфетической теории, на основании которых мы дополняем социальную картину первобытного общества.¹

Данные языка дают возможность проникать в ту глубь веков, для которых мы в материальной культуре имеем настолько малые остатки, что судить полностью о производственных отношениях можем только в пределах априорных теоретических построений, частично проверяемых и дополняемых этнографическими параллелями из жизни современных отсталых народов мира. Материал примитивного общества прекрасно вскрывается данными языка, который „так же древен, как сознание; последнее же есть первый этап человеческого образования“,² т. е. периода сознательного производства, иными словами — период возникновения производства вообще, возникновения первоначальных стадий социальной организации, начало существования „животного, производящего орудия“ — человека. Производство явилось первым этапом, положившим начало другой истории человека, истории людей. Здесь было заложено начало первым социальным организациям, которые неминуемо должны были возникнуть. При бродячей жизни охотника-собирателя, до зарождения „правильного“ скотоводства и земледелия, кровное родство вряд ли могло появиться. Повидимому, этот период надо связывать с тем развитием техники, которое на археологическом языке обозначается как палеолит. Это тот период, когда производительные силы первобытного общества исключали возможность правильного земледелия. „Случайность“ производства была результатом низкого уровня техники, которая вероятно не знала еще мотыки. Вот подтверждение, которым, мне кажется, определяется случайность первых организаций.

„Возьмем, например: пастушеские народы (народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством) лежат за пределами того пункта, где начинается действительное развитие (разрядка А. Б.). У них спорадически встречается известная форма земледелия и этим определяется земельная собственность“.³

Из этой цитаты видно, что собственность спорадически появляется благодаря более поздним формам производства (по отношению к данной эпохе). Ее же предшественником являлась собственность, которая определялась другой социальной организацией (охотой), связанная с определенной формой надстроечного порядка — тотемизмом. Вот, как Н. Я. Марр подходит к анализу собственности: „1) Собственность ведет свое начало от до-родового состояния производственно-социальной

¹ Я подчеркиваю, что беру итоги; конкретное исследование этих форм первобытного общества — сейчас не моя задача. Мне важно установить развитие социальных форм по тем конкретным материалам, которые существуют.

² Архив Маркса и Энгельса, т. I, О Фейербахе, стр. 220.

³ Маркс. К критике политической экономии. Изд. 2, 1930, стр. 77

группировки человеческих коллективов, но тогда собственность, по нашим понятиям, вовсе не собственность, это — собственность абсолютно тотемическая (разрядка А. Б.), без какого-либо представления даже о той или иной групповой природе собственности и вместе с тем коммунистическая, разумеется коммунистическая первобытная. 2) Собственность меняет свое содержание, становясь той или иной группы общего коллектива, и еще более меняет свое содержание, когда обращается в частную или индивидуальную собственность¹.

Марр подчеркивает, что собственность выступает „с общим орудием производства, его совместным владением и с общим владением обрабатываемого материала“.² Лингвистические выводы дали нам возможность подтвердить ту мысль, что первой социальной организацией является производственно-социальная группа, объединенная общим производством, благодаря общности „обрабатываемого материала“ создается первая собственность (собственность еще условная). Это не физическая, а социальная организация. Дальше „вмешивается иное существенное явление социального строя, матриархальный и патриархальный уклад“.³ Они хронологически разностепенны и оба, очевидно, являются в основном разновидностями рода по сообразно хозяйственной направленности того или иного рода (земледелие, скотоводство). Преродовая группа, конечно, миновала эти уклады, которые появляются внутри рода (хотя, быть может, и группы по матери возникли ранее, но не имели того крупного социального значения, которое получили впоследствии). В конечном развитии патриархальный вариант дал патриархальную семью. Не по физическим, а по общественным потребностям создавалась общественная организация; вот почему, как мне кажется, исключительную ценность имеет следующее положение Н. Я. Марра, которое устанавливает, что кровная связь — позднейший результат, то, что нам хотелось доказать. „Для начальных эпох человеческой общности упраздняется возможность пользоваться термином «племя», этнос, вообще всяким названием объединения по крови (разрядка А. Б.), ибо первоначальные объединения, как показала палеонтология речи, — коллективы хозяйственно-общественно возникающие, агнатические, а не по крови, не когнатические, не по сродству крови, а по общности интересов и общности территориально определяемой техники для их удовлетворения“.⁴

¹ Н. Я. Марр. Право собственности по сигнализации языка. Сб. „На боевом посту“, стр. 313.

² То же, стр. 369.

³ То же, стр. 384.

⁴ Н. Я. Марр. Яфетическая теория. Баку, 1928, стр. 7.

Анализ самого термина „собственный“ показывает, что он эволюционирует от „цельно-коллективистического“ до единоличного.¹ Промежуточная же стадия — групповая — и есть родовая при укладах, которые тогда существовали. Интересно еще замечание, что сам термин „брат“ не возникал из слова „кровь“; так, слово „брат“ возникло путем специального использования позднейшего, именно в эпоху образования семьи...² „Брат“ — слово, дающее возможность установить правовое отношение. „Брат“ и „кровь“ включают человека к принадлежности его к одному и тому же племенному образованию, но оба понятия являются порожденными общим участием в производстве. Вот почему категорическое утверждение Мэна, что „новейшие исследования относительно первобытной истории общества дают повод заключить, что первым связующим началом, благодаря которому люди начинают жить общинами, является единокровие или родство“,³ для нас является неприемлемым, ибо, игнорируя решающую роль производства (не без определенной цели), поклонник английского капитала, вместо анализа реальной действительности, предпочитает оставаться на позициях „кровного идеалиста“. Маркс и Энгельс подчеркивают, что основным при образовании рода является экономическая определенность, которая, „с другой стороны“, и дает возможность возникнуть кровному родству.⁴ Итак, система производственно-социальных группировок в своем развитии, при наличии слагающегося коллективного производства, создает впоследствии частную собственность, которая, в пределах родового владения, порождает уточненные термины родства, и единокровная связь, как следствие производственных отношений, делается основным правовым признаком по отношению к предметам и территории, находящейся во владении данного рода. Итак, от стадии производственно-социальных группировок, от охотников-собирателей верхнего палеолита, путем развивающегося производства, к созданию первого типа общины, с ее кровной связью, с материальной культурой типа общественных зданий (родовые дома), к общине с ее дифференциацией на частные хозяйства (но и она не исключает кровного родства), еще без классовых отличий, с разделением труда по общине (мануфактура, земледелие), к общине с заметной классовой дифференциацией, которая рвет с оболочкой доклассового общества (уничтожает кровное родство), делая скачек к классам, классовому обществу.

Перейдем к рассмотрению первых типов общин, которые являются центральной формой первобытного общества с ее внутренней организа-

¹ Н. Я. Марр. Сборн. „На боевом посту“, стр. 375.

² Н. Я. Марр. О полигении семантики (брат и кровь). ИАН, 1926, стр. 782.

³ Мэн. Древняя история учреждений, стр. 53.

⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. I, Черновики писем Засулич, № 2, стр. 281.

цией — с родом. Многие замечания нами даны выше, остается только кое-чем дополнить. Община — отправная точка того, что таит в себе такое противоречивое положение, как собственность. „Первой формой собственности является родовая (общинная, А. Б.) собственность.“¹ Община содержит в себе то, что впоследствии сделается ее противоположностью, снимет существование общины, возникшей из социальной организации, в которой „не было никаких внутренних противоречий“,² и приведет к созданию общества, которое основным признаком будет иметь классовую борьбу. Община, как экономическая единица, конечно существует, и Энгельс об этом категорически заявляет, когда говорит о форме (разрядка А. Б.) общинного землевладения и землепользования;³ Энгельс говорит о том, что „обработка земли производится сообща — сперва целыми родами, потом коммунистическими семейными общинами“.⁴ Это вполне определившееся коммунистическое производство есть первый стимул племенной родовой собственности „вызванной у римлян, главным образом, войной, у германцев — скотоводством“.⁵ Момент максимальной коммунистической „организованности“, коллективности, заключал свою основную противоположность, безжалостно разрушившую впоследствии первобытный коммунизм, — это собственность. Развитие техники (разрядка А. Б.), послужившее началом труда, укрепление последнего, как начало собственности в пределах общины — семьи, было началом разложения общины — рода. Нам кажется, что возникновение мотыки, появление орудий неолита, с одной стороны, и приручение животных, с другой, есть как-раз момент, когда появляется техническая „возможность“ укрепиться слагающимся новым формам производственных отношений. Община есть социальная организация которая характерна общностью производства, без четкого разделения труда (закрепленного в отдельных семьях), без внутри-производственной дифференциации, с общим присвоением, потреблением продуктов и с техническими отношениями в производстве. В общине получает свое дальнейшее развитие и семья, которая губительно содействует затем разложению общины. В разделении труда дано то противоречие, которое представляет интересы отдельной семьи. Разделение труда заставляло отделять право труда на продукты одной семьи (мелкого производства) от другой, противопоставляя семьи друг другу. Община есть та форма социальной организации архаической формации, которая содержит в себе в скрытом виде все основные предпосылки противоре-

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. I, О Фейербахе, стр. 254.

² Ф. Энгельс. Пр. семьи, собств. и гос., 1907, стр. 144.

³ То же, стр. 119.

⁴ То же, стр. 118.

⁵ Архив Маркса и Энгельса, т. I, О Фейербахе, стр. 251.

чивого, диалектического развития общества (разделение труда, коллективное производство, собственность коллективная и наличие семьи и т. д.). Укрепление в семье частного хозяйства создает переход от бесклассового общества к классовому („индивидуальная семья становится хозяйственной единицей общества“),¹ а моменты, которые подталкивают закрепление частного хозяйства, даются уже системой производства. Соединение мотыки с прирученными животными, замена физической силы человека тяговой силой животных, дали возможность семье выйти из-под влияния коллективного производства общины, укрепить свое личное производство; укрепляясь же экономически в самостоятельную ячейку, семья в общине перешла на частное потребление, создав предпосылку для разрушения архаической формации. Это право соединять личное с общественным дало возможность сохранять общину, несмотря на развитие техники, которая развивалась в результате взаимоотношений как отдельных семей, так и самих общин. Несмотря на то, что пахотная земля — „естественная основа коллективного производства и присвоения“² — является общим владением, „она периодически передается между членами сельской общины, так что каждый земледелец обрабатывает за свой страх назначенные ему поля и присваивает себе лично плоды этой обработки, между тем как в более древних общинах хозяйство ведется сообща, а распределяются только продукты“.³

Последним этапом в архаической формации мы имеем ту форму социальной организации, которую Маркс называет „сельской общиной“. „Сельскую общину встречают также в Азии у афганцев и др., но она повсюду представляет наиболее новый тип общины и, так сказать, последнее слово древнего образования обществ“.⁴

Маркс подчеркивает, что „сельская община появляется, как новейший тип архаической формации“, что это момент перехода „от общей собственности к частной собственности“, процесс перехода „от первичной формации к вторичной формации“.⁵ Являясь продуктом самостоятельного развития, сельская община проявляется как та форма социальной организации, для которой уже характерна частная собственность, что неминуемо приведет к разделению, как выражался Энгельс, „на различные, а затем противоположные классы“.⁶ Переход к общине с ее частными хозяйствами, частно-производящими и частно-потребляющими при общинном владении землей, обозначал переход уже к тому

¹ Ф. Энгельс, там же, стр. 139.

² Архив Маркса и Энгельса, т. I, Маркс — Засулич (черновики), стр. 275.

³ То же, стр. 272.

⁴ Архив, т. I, Маркс — Засулич, стр. 283.

⁵ То же, стр. 273.

⁶ Примечание Энгельса к последнему изданию „Манифеста“.

способу производства, где характерна уже классовая борьба, где возможна уже эксплуатация.

Форма общинного владения землей издавна стала приманкой для теории возможности перевода с помощью общины исторически отсталых социальных форм, минуя капитализм, к социалистическому строю. Таковы были мечты народников. Народники получили вполне заслуженный отпор со стороны Маркса и Энгельса и особенно Ленина, который рядом своих работ доказывал реакционность таких точек зрения.

Интереснейшие документы марксистско-ленинской теории говорят нам о том, что как надо понимать социальную сущность общины, которая не может быть опорой социалистического общества.

Надо отметить, что, отвечая Засулич и Николаю — ону, и Маркс и Энгельс отмечали, что община в ее первичной форме, верней даже в абстрактной формулировке, может стать отправной точкой социалистического общества..., но путь, на который стала „сельская община“ неумолимость исторического процесса и среда (историческая) не дают ей этой возможности. Община в ее конкретном развитии пройдет мимо тех возможностей, которые могли бы сделать ее ячейкой высшей формы социальной организации. Берем формулировку Маркса в ее чистом виде, конечно не передающую полностью взгляд Маркса на роль общины. „Она (община, А. Б.) может, следовательно, стать непосредственным отправным пунктом экономической системы, к которой стремится современное общество, и зажить новой жизнью“.¹ „Община является точкой опоры общественного возрождения России“.²

Но высказывая это, Маркс здесь же категорически развивает мысль, что это было бы возможно, если бы „отстранить тлетворное влияние, которое теснит ее со всех сторон“.³ Вот и рассмотрим те тлетворные влияния, которые превратили общину из опоры социалистического общества в прямое орудие реакции, из возрождения — в опору вредительской организации кондратьевщины (Чаянов, Суханов и т. д.), из „социалистического коллектива“ — в орудие капиталистического развития деревни, защита и ставка на которую стала одной из основ правового уклона в КП(б)Т.

История общины в грубых чертах рисуется нам как переход от коллективного производства к частной собственности и частному ведению хозяйства при коллективном владении землей. Здесь коллективность сохраняется только до известного момента, здесь форма внутренней эксплуатации еще пока скрыта общей оболочкой коллективности. Община остается общиной до тех пор, пока „ее члены отлича-

¹ Архив, т. I, стр. 277.

² То же, стр. 288.

³ Летописи марксизма, III (XIII), 1930, Энгельс Николаю — ону, стр. 151.

ются друг от друга богатством лишь в ничтожной степени; как только различия станут большими, как только некоторые ее члены станут должниками, рабами других, более богатых членов,—община не может далее жить¹. И по поводу русской общины Энгельс писал, что это учреждение осуждено на гибель. Внутренние различия—богатство, владение и распоряжение средствами труда—начинают подчинять человека человеку. Община встала на путь эксплуатации.

Внутренняя дифференциация, о которой мы писали выше, „социально организованная в семьях“, дает возможность развиваться капитализму. „Семейная кооперация является залогом и основанием капиталистической кооперации“².

Расширение и привлечение наемного труда в пределах друг другу противопоставленных семей дает возможность развиваться капитализму. Ленин подчеркивает то, „что внутри общины идет такая же хозяйственная борьба и эксплуатация, как и вне ее“³.

Община, таким образом, пошла по пути капитализма, сохраняя в „фискальной“ форме все „прелести“ капиталистических отношений. Благодаря развитию капитализма, все „резче и резче выступала противоположность между сладенькими рассказами народников об „общинности“, „артельности“ крестьянина и т. п....“⁴.

Итак, Ленин довольно категорически указывает на противоречия классового порядка внутри общины.

Община встала на путь капиталистического развития. Интересно, что говорили Маркс и Энгельс о возможности такого пути. Они прежде всего отмечают, что огромное влияние на общину, помимо ее собственного развития, имеет та историческая среда, в которой находится этот „локализованный микрокосм“, что этот локализованный микрокосм сопротивляется внешнему натиску, что община находится под влиянием кулаков, „которые, насколько я вижу, тоже предпочитают лучше держать крестьянина в своих когтях, как предмет эксплуатации, чем разорить его раз навсегда и приобрести себе принадлежащую ему землю....“⁵.

Вот в чьих руках община, в чьем „ведении“ коллектив „возрождения России“, вот по существу та причина, которая побуждала кондратьевцев делать ставку на общину, поскольку они являются кулацкой агентурой.

Почему же община все-таки отчасти устойчива и форма ее „сбивает“ многих на путь опасной теории, утверждающей полезность общины. Для этого я привожу две выдержки, которые особенно отчетливо ставят

¹ То же, стр. 152.

² Ленин. Кустарная перепись в Пермской губ. Изд. 2, т. II, стр. 209.

³ То же, стр. 216.

⁴ Ленин. От какого наследства мы отказываемся. Изд. 2, т. II, стр. 325.

⁵ Летописи марксизма, т. III (XIII), 1930, стр. 131.

этот вопрос. „Свойственный сельской общине дуализм может для нее служить источником большой жизненной силы, потому что, с одной стороны, общая собственность и обуславливаемые ею общественные отношения, придают прочность ее устоям, в то время как частный дом, парцеллярная обработка пахотной земли и частное присвоение ее плодов допускают развитие личности, несовместимое с условиями более древних общин. Но не менее очевидно, что тот же дуализм может со временем стать источником разложения“.¹

И именно благодаря внешнему, развивающемуся капитализму, дуализм общины стал источником ее разложения, ибо развивалась на основе частного хозяйства парцеллярная обработка, частный дом, частное потребление, что ближе к капитализму.

Марковская альтернатива, „либо заключающийся в ней (общине, А. Б.) элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым: все зависит от исторической среды, в которой она находится“,² уточнилась ходом общего развития России, ходом развития той исторической среды, в которой существовала община. Победила частная собственность над коллективной. Победила эксплуатация. Победившая частная собственность неизбежно доказала „несовместимость ее (общины, коллектива, А. Б.) со всем общественно-экономическим развитием капитализма“.³

Кончился „золотой век“ коллективного труда — община стала переходным этапом, этапом „вторичной формации“, ее первой ступенью. Община стала тормозом историческому прогрессу. Поскольку исторический приговор общине был подписан, постольку отстаивание ее в пределах уже капиталистического общества было реакцией, отстаиванием по существу регресса, ибо развивающийся капитализм уже сметал общинную собственность, создавая общественный характер производства при частном присвоении, с правом владения меньшинства над большинством. Попытка применить общину к капитализму, по Ленину, „дает романтику совершенно заслуженную им квалификацию реакционера, при чем под этим термином разумеется нежелание восстановить просто-напросто средневековое учреждение, а иминно мерить новое общество на старый патриархальный аршин“.⁴

Ленин дает отповедь романтикам, в частности Сисмонди, именно за то, что они „берут за образец союз, удовлетворяющий узким потребностям в объединении в патриархальном, неподвижном обществе, и при-

¹ Архив, т. I, Маркс — Засулич, стр. 272—273.

² То же, стр. 273.

³ Ленин. Изд. 2, т. I, Аграрная программа русской соц.-дем., стр. 189.

⁴ Ленин. Изд. 2, т. II, К характеристике экономического романтизма, стр. 96.

кладывают его к обществу, совершенно преобразованному".¹ Вот в чем сущность реакционности, вот в чем политическая близорукость тех, кто мерит новое „патриархальными аршинами“.

Сельская община есть община классовая, она должна неминуемо распасться, в своем существовании является лишь „крепостнической обузой“, отнюдь не устраняющей капиталистической эксплуатации. Думаем, что теперь будет понятен смысл политических ошибок тех, которые защищают общину как путь к новому обществу, которые думают путем мелких преобразований перекрасить исторически реакционную социальную организацию — общину — под колхоз, когда последний есть путь к социализму, путь ликвидации классов, путь к бесклассовому обществу. И если для одних защита рода, общины, из-за непонимания внутреннего классового расслоения, непонимания классовой борьбы внутри общины, есть выражение правого уклона, то для других она является орудием вредительства, орудием реставрации капитализма. Неудивительно после этого и объективная польза правого оппортунизма для вредительства, неонародников и т. п. врагов социализма.

Сельская община в своем развитии дает классы. Колхоз в своем развитии классы уничтожает. Совершенно отличные, полярные направления, — вот, что характерно для общины и колхоза. И если колхоз есть „повторение“ коллективности производства с объединением частных хозяйств, то нельзя этот процесс понимать как механическое перенесение, повторение совершенно разных, качественно отличных социальных организаций.

Вот почему я и уделил так много внимания вопросу об историческом развитии архаической формации. Дело в том, что та туркменская действительность, с которой сталкиваешься при изучении, носит общие названия отдельных групп (социальных организаций), которые называются родом, что, в связи с нашим анализом, должно обозначать бесклассовую организацию. То, что мы имеем в Средней Азии в действительности, мною называется общиной и сельской общиной (сущность этих категорий мною уже развита выше), а поскольку сельская община есть организация со скрытой классовой организацией, то всякая поддержка ее является результатом непонимания классовой борьбы в ней или просто прямым вредительством.

Следующая часть статьи и должна заключать в себе анализ той социальной организации, которая имеется в Туркмении, вскрыть то, что сможет ее характеризовать как „сельскую общину“, а тогда вряд ли придется указывать на реакционность ее защиты. Если классовый состав

¹ То же, стр. 95.

аула налицо, то понятна неизбежность той классовой борьбы, которая идет в ауле, и только надо будет остановиться на том „учете разнообразия условий“, ¹ которые необходимо принять во внимание при проведении колхозной политики. Совершенно ясно, что проблема будет рассмотрена в общих чертах, в виде постановок вопроса и основного ориентировочного плана на дальнейшее изучение.

Туркменский аул (в основном это будет относиться к району железной дороги) представляет из себя классовую организацию. Это — капиталистическая деревня, в которой эксплуатация заключена в мистическую оболочку общины, организации уже классового порядка. Своеобразие исторического процесса на Востоке, создавшее там азиатскую общинную формацию, наложило общий отпечаток на аул. Здесь в современность вплетаются причудливо остатки, „пережитки“ предыдущих формаций, в виде домашнего рабства, форм землепользования, чайрикерства и мн. др. Не вдаваясь в подробности кочевых стойбищ, мне хотелось бы отметить то, что характеризует архаичность туркменского аула.

На сегодняшний день нет „централизованного деспотизма“, который воздвигается над „локализованными микрокосмами“, нет коллективного общинного землевладения (с централизованной властью), нет того, о чем идут споры (дискуссии об азиатском способе производства). Сейчас нет общинной азиатской формации. Зависимость от общего средства труда (воды, орошения), зависимость от владельца этой водой сменились правом на свободный труд.

Прежде чем произошел переход кочевой части населения на земледелие, был момент общего соотношения между „оседлостью одной части и продолжающимся с самого начала истории кочевым бытом другой части“.²

В самом деле, мы знаем примитивное кочевое земледелие туркмен (йомудов) как факт, указывающий как на наличие потребностей, так и на способ производства, удовлетворяющий эту потребность. Внутреннее разделение труда в общине заставило разделить труд в хозяйствовании. В то время как одни занимаются земледелием, другие пасут скот. Такие факты мне самому неоднократно приходилось наблюдать на том же Копет-даге. Соотношения между кочевой и оседлой частью регламентировались соотношением потребностей самой общины. Здесь совершенно нельзя пройти мимо тех замечаний, которые приводит В. В. Бартольд: „К оседлости прежде всего переходят бедняки, не имеющие возможности кочевать — джатаки (букв. „лежащие“; русскому слову „оседлый“ более соответствует употреблявшийся в средние века термин „отурак“ — „сидя-

¹ Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 2. дополн., стр. 575.

² Архив, т. I, Маркс — Засулич, стр. 273.

щий»). Возможность кочевать считается признаком богатства. Характерно, что богачей-мироедов, игравших первую роль на волостных выборах, называли «аткамнарами», т. е. «ездящими на конях»...¹

Здесь мы имеем факт разделения на две части, в силу необходимости разделить труд в связи с развивающимися потребностями. Если принять во внимание это замечание В. В. Бартольда, то получается, что первый раскол в общине выразился, благодаря разделению труда, в классовом разделении, что, конечно, ни в коем случае не устраняет и даже, наоборот, неизбежно ставит как дальнейшую дифференциацию среди скотоводов, так и укрепление, создание кулаков в земледелии. Небезынтересно привести здесь тот факт, который получен мною от тов. Г. Карпова, работавшего одно время в ЦИК'е ТуркССР. Карпов передает, что в ауле Багир только в 1926 г. были выведены из всех общественных организаций „boer“; „boer“ — это сословие, по легендам бывшие кочевники, которые покорили земледельцев Багира, сдали им землю в эксплуатацию, сами же остались „правителями“ в ауле. Их сила была настолько велика, что еще в 1926 г. и аулсовет, и кооператив, и т. д. — все было заполнено представителями сословия „boer“. Аналогичное явление мною было встречено в ауле Нухур, где такое положение занимал род „сагъх“, также не местного образования, а, по преданиям, из племени геоклан или салыров.

Взаимоотношение между кочевой и оседлой частью налицо, и в ее ранних стадиях, очевидно, первенство имели кочевники над земледельцами. Слово „boer“ созвучно со словом „boj“, которое вероятно принято от названия рода, верней его подразделений. Одно из подразделений рода осталось скотоводами, другое перешло на земледелие. „Среди различных терминов там (в словаре Радлова, А. Б.) отмечается слово «бой», как обозначение одного из самых мелких делений; отдельно слово «бой» в соответствующем месте не приводится и в живом туркменском языке его, настолько мне известно, нет. У Махмуда Кашгарского им обозначается деление огузов на крупные племена, и в таком же значении оно было известно еще в XV в. автору «Истории сельджукского дома»».²

Сначала, повидимому, — разделение труда по подразделениям рода, после — относительная самостоятельность (хозяйственная) этих подразделений, при чем владеющие, покоряющие и носят название „boer“, „boj“. Переход к оседлости и развитие производства, особенно в связи с капитализмом, и сводили на-нет родовые деления.

Помимо вышеприведенных фактов интересно еще то, что указывает на классовые расслоения среди туркмен, — это замечание, которое при-

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 120.

² В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 30.

водит Бартольд: „Интересно упоминание торговцев-текинцев (1651 г., А. Б.), одно из немногих известий, если не единственное, о существовании торгового класса среди туркмен“.¹

Итак, среди кочевой части классовое расслоение не снимается. Думается, что категорическое утверждение Немченко,² что туркменская социальная организация выступает без „определенной классовой дифференциации“, что „здесь в качестве монополиста выступает род в целом“, — неправильно. Происходит это на самом же деле не совсем так. Туркменский род имеет классы, хотя бы и в зародыше, почему и название „род“ здесь может прилагаться не в том смысле, который мною установлен выше. Во всяком случае, и скотоводство не устранило классового расслоения. Стада, как средство производства, не устраняют частной собственности. „Мы ничего не знаем относительно того, как и когда стада, составляющие общее достояние племени или рода, перешли в частную собственность отдельных домохозяев. Несомненно, однако, что этот процесс совершился главным образом на этой ступени (ступень разделения труда, послужившая только к разделению на господ и рабов, А. Б.). Стада и другие новые богатства произвели переворот в семейном устройстве“.³

Стада, владение ими, стало отличительным признаком в роде. Род отжил, сменился классовой организацией, оформляющей себя в государстве феодального типа.

Наличие разделения на классы среди кочевого населения можно доказать ссылкой на изучение хотя бы киргизов.

Вот, напр., наличие теленгутов-прислужников, по Харузину,⁴ дает право говорить о „крепостных“. Упоминание у Красовского⁵ о „кулах“ (рабах) при султанах опять же говорит о наличии внутреннего расслоения.

Н. Н. Крафт приводит следующее интересное замечание: „В киргизском языке раб имеет свое особое название «кул», в отличие от работника «малай» или пастухов «kojše, syrše, jilše, tūše» или от пахаря «iginše»“.⁶ Сами поговорки, приводимые Н. Н. Крафтом: „чем быть сыном бедняка, лучше быть рабом богача“, „не все старайтесь быть пастухами, иначе будете рабами“,⁷ говорят о наличии классов, о наличии эксплуатации.

¹ То же, стр. 58.

² М. А. Немченко. Аграрная реформа Туркменистана. Новый Восток, 1927, № 19 стр. 123.

³ Энгельс. Пр. семьи, собств. и гос., 1907, стр. 137.

⁴ А. Харузин. Киргизы Букеевской орды, стр. 30.

⁵ Красовский. Область сибирских киргизов, ч. I. СПб., 1868.

⁶ Н. Н. Крафт. Из киргизской старины, стр. 95—96.

⁷ То же, стр. 96.

В самом деле, развитое скотоводство у туркмен требовало работников, которые попадали в зависимость от скотоводов-кулаков. Сильно развитое батрачество, которое сейчас существует, говорит о наличии крупных скотоводческих хозяйств, которые вряд ли даже прикрываются оболочкой „общинности“, „рода“ и т. д.

Но на этих замечаниях я оставляю кочевую часть населения Туркмении, которая требует своего изучения; нас же интересует та часть, которая перешла на землю. Именно та часть, которая в силу разделения труда, перешла на воду, на землю, вырабатывая свои формы земледелия и землепользования.

Формы землепользования в Средней Азии отличаются крайней многообразностью и сложностью. Это еще непочатый край для исследования. Из всех этих форм можно выбрать то, что является основным. Исключим земли „uŕiä“ и „xeradz“, о которых говорит Ханыков,¹ земли, принадлежащие мусульманам, принявшим мусульманство добровольно и без войны и земли которых были отняты с бою.

Здесь сейчас же хочется напомнить о существовании „mülq-xeradz“ — поместной земли, — которая вероятно была сдана в поместное пользование из фонда отнятых земель. Я исключаю их потому, что последние могут образовываться только в результате войны и характерны для феодализма. Меня же интересуют только те земли, которые связываются с родом, с общинным владением землей. Если община находилась в системе какого-то государства, где существовала общая собственность на землю, то земли составляли доход государства, то они, конечно, были облагаемы налогом. Такие земли называются „амляновыми“.

В Хивинском ханстве эти земли назывались „подшалык“, „что в переводе означает «принадлежащие главе государства», и сидевшие на ней крестьяне назывались „бивантели“, т. е. безземельные“.²

Название „бивантели“, что противопоставляет безземельного земледельцу, интересно уже потому, что этим показывается наличие владения землей и, кроме того, наличие права на владение, на землю как собственность, что характеризует уже феодализм. Значит надо исследовать, было ли право на землю, могла ли быть земля личной собственностью, на почве которой наиболее успешно может расцвести капитализм. Право наследства на хозяйство уже дает возможность укорениться капитализму. Для капитализма уже важно не столько право собственности на землю, как право на наследование хозяйством. „Ограниченность земли предполагает действительно при капиталистическом

¹ Ханыков. Описание Бухарского ханства, стр. 114.

² Е. Зелькина. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии, стр. 12.

строе общества монополизацию земли, но земли как объекта хозяйства, а не как объекта права собственности".¹

Итак, предшествующей стадии, до-капиталистической, необходимо право собственности на землю, чтобы смогла произойти ее монополизация, как объекта хозяйства.

Зелькина указывает на происхождение частной собственности, как результат разложения государственной собственности на землю „связанной с ней общины и перехода к подворно-участковому землепользованию, феодальной в виде мюльков и вакуфов (в результате ханских пожалований)".²

Мюльк — частновладельческая земля, пожалованная и частично или совсем освобожденная от налога. Мюльк становится опорой развивающемуся капитализму. Смущает слово „пожалованная“, ибо наличие „mulq-xeradz“ может дать основание предположению о наличии земли, взятой с бою в войне. О том, что мюльк — частная собственность, говорит и Зелькина,³ и поэтому мюльк рвет все с общиной и родом. Несколько иного мнения Немченко, который утверждает, что: „Туркменский мюльк есть форма родового землепользования, независимо от того, как он создавался и как шло его развитие".⁴

Мне кажется, что мюльк „вышел“ из рода, из общины. Это форма частного владения, которая характерна для земельной собственности.

Ярко выраженным частным владением является именно мюльк, и исторические права его защищены шариатом, как писанным источником, так и адатом туркмен. Вот, так сказать, документальные данные: „Возделывающий мертвую землю с разрешения ислама или кадия приобретает право собственности на нее".⁵

Имам, или кадий, разрешает возделывать землю, т. е. земля кому-то принадлежит, человек же приобретает право частного хозяйства; так можно истолковать приведенный отрывок, но шариат уточняет это положение: „Если имам или кадий отдает кому-либо мертвую землю для возделывания лишь с правом пользования ею, то означенное лицо не имеет права собственности на нее;⁶ если кто-либо посторонний пожелает оросить возделываемую им землю из воды, находящейся в частном пользовании, то владельцы реки имеют право воспретить это...".⁷

¹ Ленин. Изд. 2, т. IV, Аграрный вопрос и критики Маркса, стр. 190.

² Е. Зелькина. Там же, стр. 13.

³ То же, стр. 14.

⁴ М. А. Немченко. Аграрная реформа Туркменистана. Новый Восток, 1927 № 19, стр. 122.

⁵ Ибн-Абидин, т. V, стр. 306.

⁶ То же, стр. 307.

⁷ Шарх-Ильяс, т. III, стр. 266.

Значит, есть право собственности и на землю и на воду; конечно эти положения есть путь разложения рода, путь закрепления частной собственности, органически противостоящей общине. „Натуральное пользование водой переходит по наследству и по духовному завещанию“.¹

Галкин тоже приводит материал, что незаконнорожденные имеют право на наследство такое же, как и законнорожденные,² т. е. наследство узаконяется, уточняется и имеет уже право на гражданское существование. Это — характеристика права частного, личного, которое сначала в зародыше сосуществует с родовым, вернее общинным пользованием. Фактором, который укрепил это право в более расширенном, в ином быть может смысле, был русский капитал, который „открывал“, пользуясь словами Ленина, с помощью Закаспийской дороги Среднюю Азию.³

Это — положение с мюльками. Отражение же более полное, общинное находит свое выражение в той форме землепользования, которая называется «санашик». Приводим выдержку из работы крупного экономиста исследователя Туркмении тов. М. А. Немченко. „Так как вода находилась в родовом владении, совершенно естественным было и родовое владение землей с ежегодным переделом ее между всеми земледельческими членами рода. Такая форма землепользования называется у туркмен «санашик». Таким образом, санашик — не общинная, не общественная (? А. Б.), а родовая, передельная земля. Санашик связан еще с одним обстоятельством, вызванным условиями водоиспользования. Дело в том, что при распределении всей родовой воды, на долю каждого достается 2—3—10 минут ежедневного полива; так как в такой короткий промежуток времени полить участок невозможно, да и нет надобности в ежедневной поливке, то водопользующиеся хозяйства объединялись в несколько групп, по 12—36 в группе, которые по очереди пользовались всей водой в течение суток. Каждая такая группа суточной очереди — серкар и атлык — в свою очередь разбивалась на 2 полусуточные очереди, дневную и ночную — келеме, тек“.⁴

Эта достаточно полная характеристика санашика со всей очевидностью вскрывает действительно общинное землевладение и землепользование. Здесь понятна как зависимость от общей централизованной системы орошения, так и зависимость внутри самой общины. Община „водой“ и „землей“ держит „род“ в подчинении. Стоит только завладеть здесь водой, чтобы централизовать власть в своих руках.

¹ Ибн-Абидин, т. V, стр. 315.

² М. Н. Галкин. Этнографический и исторический материал по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1863, стр. 33.

³ В. И. Ленин. Изд. 2, т. IV, Уроки кризиса, стр. 165.

⁴ М. А. Немченко. Динамика туркменского крестьянского хозяйства, стр. 8.

Характерным, опять же, документом, где отразились все моменты общины, представляет из себя шифат: „Под шифатом разумеется преимущественное право соседа или совладельца земли на ее приобретение“.¹

Даже, если земля уже продана, владелец шифата имеет право откупить, получить землю обратно. „Причиной возникновения шифата является соседство или совладение в известной земле“.²

Но здесь надо отметить, что первое право имеет „совладелец, а затем сосед“.³ Право и статуты шифата крайне разнообразны и толкование их не плохое занятие для специалиста-правовика. Для нас важно, что шифат доказывает наличие, вернее отражение, в праве общинного способа производства. Таким пережитком является и современный адат, который содержит в себе те же положения, что и шариат. Оба они, отмечая общинность, дают все-таки прогрессивную возможность выделения и развития частной собственности на землю. Последнее при частной собственности дает возможность скорей развиваться частному хозяйству. „Помощь“ же русского капитала, ускорила „прогресс“ от почти натурального хозяйства к хозяйству капиталистическому. Наличие же натурального хозяйства не исключает классового характера хозяйств, не устраняет того, что даже в самых отсталых районах Туркмении, да и вообще Средней Азии, мы имеем не бесклассовую организацию общины, а переходную сельскую общину с частными, а затем и классово-противоположными хозяйствами. Отдельные же „пережитки“ для туркмен характерны, но ход истории они уже переделать не могут. Наиболее характерной чертой классовой дробленности этого плана хозяйства является чайрикерство.⁴

Чайрикерство имеет свою историю и стадии развития, но они возникают на основе общины и ее распада.

Первым источником чайрикерства служит „musaraat“, который заключается в том, что между двумя лицами есть договоренность по поводу возделывания земли за часть урожая. Формы „musaraat“ также разнообразны, но суть их в том, что два лица (надо думать две семьи) на время образуют „сельско-хозяйственную артель“. Вот вам тоже навыв коллективизации. Если присмотреться поближе, то увидим, что внутри этого чайрикерства лежит основной признак классового деления общества. Здесь коллективность полярная. Один из соучастников всегда имеет землю и почти всегда еще орудия производства. „В основе своей чайрикерство есть пользование землей с уплатой за означенное пользование определенной доли с урожая“.⁵

¹ Ибн-Абидин, т. V, стр. 152.

² То же.

³ Фатав Кадий Хан, т. IV, стр. 445.

⁴ Чайрикерство, по сути слова, — то же батрачество.

Дембо. Зем.-водн. кодекс и чайрикерство. Вестник ирригации, 1925, № 1, стр. 65.

Чайрикерство разнообразно, его формы чрезвычайно гибки и сводится оно к тому, что в основном один эксплуатирует труд других. Чайрикерство — это форма издольщины, неравномерной, а потому и классовой. Вопрос о чайрикерстве я заканчиваю следующим указанием: „Когда чайрикеру сдается под обработку определенный участок земли, выделяемой из общего хозяйства, мы имеем форму издольной трудовой артели (чайрикерская аренда), в тех же случаях, когда хозяйство обрабатывается совместно несколькими чайрикерами, а также и первичными землепользователями без деления хозяйства на отдельные участки, мы имеем особую форму применения вспомогательного наемного труда (разрядка А. Б.) со сдельной оплатой этого труда из доли урожая“.¹

Еще один штрих „общинной“ эксплуатации и „бесклассового“ содержания так называемого рода.

Ограничусь приведенным материалом; думаю, что достиг поставленной цели, что и община и род Туркмении не должны расцениваться как бесклассовые организации; что социальная организация туркмен — это организация классовая; в лучшем случае — это тип сельской общины; что защита этой организации, стремление подвести ее под марку колхоза, может произойти из-за непонимания ее внутреннего существа или является прямым вредительством. Это, я думаю, мной доказано, но для того, чтобы перейти к рассмотрению некоторых сторон колхозного строительства, остановимся на беглых примерах классовой борьбы — борьбы за общину аула. Рассмотрение относится к предгорной полосе, после земельно-водной реформы.

Указывая выше на классовость общины туркмен, мы упомянули о скрытой эксплуатации. Вот, что нам удалось встретить в ауле Нухур Бахарденского района, в ауле, где рядом существует колхоз.

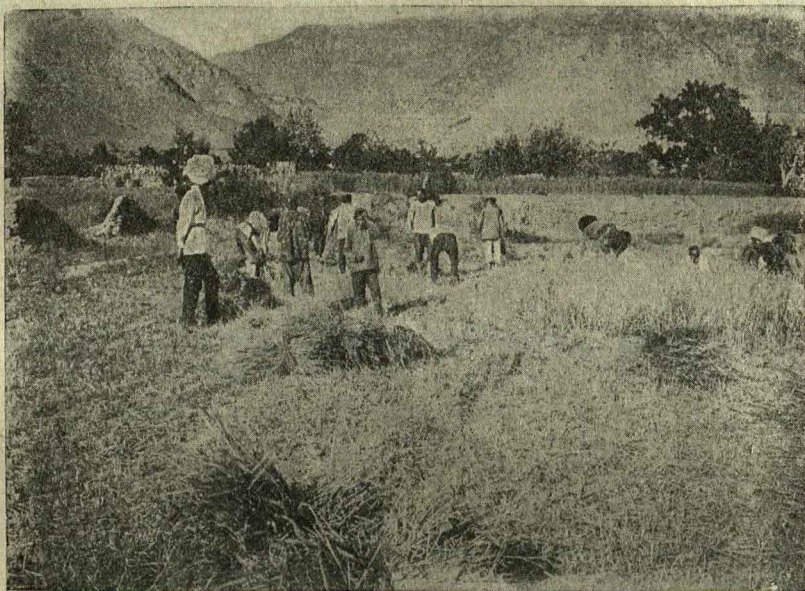
У нухурцев поныне живут чрезвычайно сильно общинные порядки, к одним из них относится „juvar“ (фиг. 2). Правила „juvar“ не сложны. Просто весь род, к которому принадлежит посев одного из членов, должен сообща помочь ему во время уборки урожая. Однако надо учесть, что в роде мы имеем и бедняков и батраков, посевы их настолько ничтожны, что, вряд ли, кулаку придется ломать спину над полем бедняка.

24 IV 1930 я присутствовал при уборке на земле середняка Атабаева, который сам почти ничего не делал, в то время как род его „сагъх“ занимался уборкой, — это рядом с колхозом, работа которого с трудом налаживается.

¹ То же, стр. 66.

Ясно, что основная „польза“ от родового „juvar“ только для кулака и борьба за „juvar“ есть борьба в интересах класса, есть классовая борьба.

Вторая форма — это борьба за мираба (распределитель воды). Поскольку мираба назначают аксакалы (белобородые), старейшины, которые почти всегда являются агентурой кулака, то борьба за „своего мираба“ есть по существу также классовая борьба. Выборность мирабов рисуется как „демократия“ и равноправие, проникнутое духом общинности.

Фиг. 2. „Juvar“. Уборка хлеба одним родом (момент эксплуатационной взаимопомощи).

Район моих наблюдений — это аул Багир Полторацкого округа, теперь района, в 12 км от Ашхабада. Выше указывалось на сильное капитализирующее влияние, которое произвела железная дорога на районы Туркмении. Одним из наиболее подвергнувшихся разложению районов был как-раз район Ашхабад — Полторацк. Эта земля ожидала „не только орошений и всякого рода мелиораций“, ¹ но капиталиста.

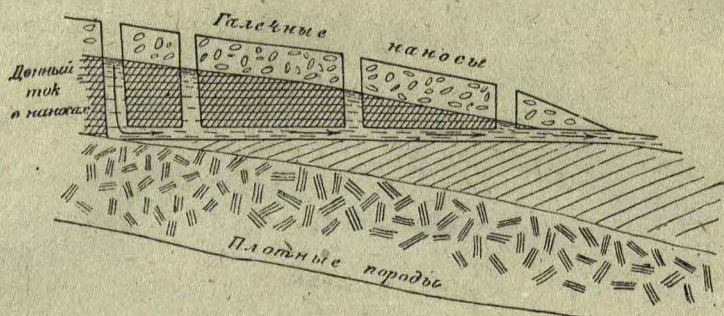
Интересна динамика хозяйств по таблице Немченко ² специально по Полторацкому округу в процентах (см. стр. 32).

¹ Ленин. Изд. 2, т. XI, Аграрн. прогр. с.-д. в первой русской революции, стр. 360.

² М. А. Немченко. Динамика туркменского крестьянского хозяйства, стр. 15. (Беру таблицу немного в сжатом виде).

	Без посева	1—5 десят.	5—10 десят.	Свыше 10 десят.
1914 г.	7.9	86.8	4.4	0.9
1917 г.	20.6	75.6	3.5	0.3

Характерная черта капитализации — «вымывание» середняка. Это усиливалось еще также тем, что район Ашхабада — район земельной тесноты, а кроме этого есть еще исторические причины. Среди рассмотренных мною форм землевладения были отмечены также мюльки. В районе Ашхабада большое распространение имеет, благодаря особым природным условиям (отдельные родники), особая форма орошения — кяриз, способ орошения, который может быть самостоятелен. Суть его заключается в том, чтобы особой системой каналов и колодцев вывести наружу воду (фиг. 3). Однако, эта система для нас интересна тем, что она децентрализует

Фиг. 3. Схема кяриза.

орошение, что кяриз придает производственную самостоятельность орошаемому участку, что кяриз на мюлке — это путь к закреплению земли в частную собственность. Вот суть кяриза в этом районе, потому что, укрепляясь на мюлках, он тем быстрее осваивает капиталистически землю, тем быстрее при особой исторической среде капитализирует аул.

Малый завоз денег в Среднюю Азию, работа на скупщика, а главным образом „сютохоры“ (ростовщики), колонизаторский грабеж населения разоряли туркменского декхана. Ленин отмечал работу на скупщика: „Работа на скупщика есть именно особая форма производства, особая организация экономических отношений в производстве, организация, которая непосредственно выросла из мелкого товарного производства“, и далее он подчеркивает, что „работа на скупщика есть, следовательно, отсталая форма капитализма...“, ¹ следовательно, мы и по Средней Азии имеем уже хоть и отсталую, но все-таки капиталистическую организацию.

¹ Ленин. Изд. 2, т. I, стр. 257.

„Усиливалась интенсификация хозяйства, хлопок, огород и т. д. Благодаря большому центру, Ашхабад, в окрестных аулах уже в 1898 г. аулы Багир, Кеши, Безмеин и Аннау имели до 500 дес. огородов“.¹

Капитализация Туркмении создала интенсивное хозяйство, которое здесь процветало.

К моменту земельно-водной реформы здесь произошла коренная перемена экономического лица района. Наиболее полно эти материалы приведены в статье А. Шушакова.² Повторять и интерпретировать их я не буду. Ограничусь выдержками материалов, которые относятся к тому месту, где мне пришлось заниматься изучением колхоза, — это аул Багир, а ныне колхозный куст. В ауле 357 хозяйств; из них $\frac{1}{6}$ принуждена или арендовать землю или итти в чайрикеры. Распределение воды в Багире следующее:

Кярызы		Число наделов	Колич. земли	
мюльк	санашик	в хоз.	удобн.	засеваем.
5	5	1—15	1269	871

Средний надел земель стал по Полторацкому округу 1.5 десят. Экономическая необеспеченность, земельная теснота, нехватка воды, в то же время интенсивное хозяйство, при сложившемся классовом расслоении, — такова грубая характеристика аула, где возник колхоз „Захмет“ („Тяжелый труд“). Не имея возможности заняться специальным изучением колхоза, я буду останавливаться не на полном освещении вопросов, связанных с ним (это вряд ли сможет сделать научно только этнограф), а на том, что интересно с точки зрения социальной организации.

Колхоз „Захмет“ невелик — состоит из 51 хозяйства (на 50 га поливной земли и 40 га богары), занимается преимущественно огородом:

Капусты	10 га	Баклажан	1 га
Помидор	10 „	Редиски	1 „
Огурцов	4 „	Зелени	1 „
Картофеля	8 „	Люцерны	4 „
Лука	1 „		

(Состав до организации колхоза — 45 бедн. хоз.).

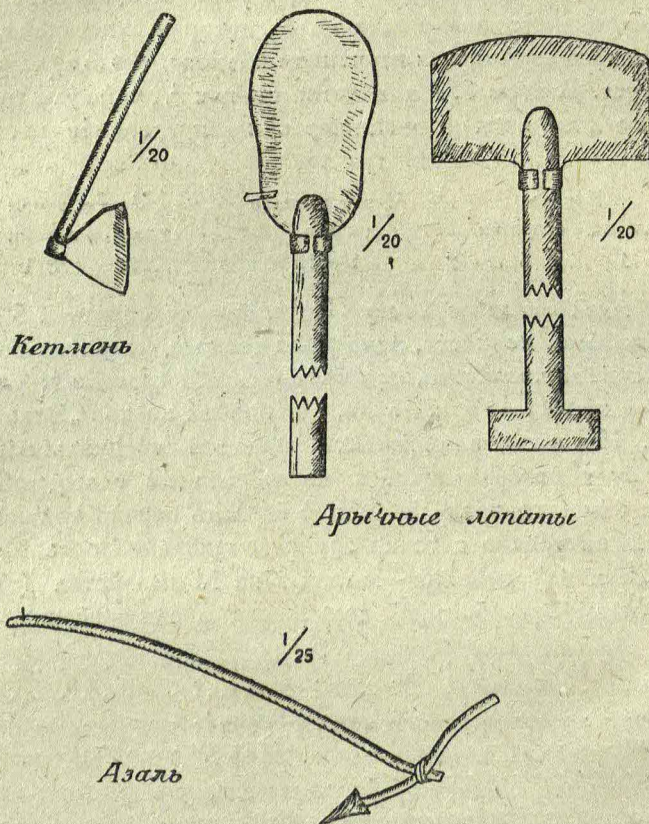
Посевы все сдаются в Ашхабад или на ст. Безмеин. Экономически увеличилось благосостояние каждого члена, подняв в среднем заработок члена колхоза до 100 р. в месяц, в то время как до вступления в колхоз имели 30—100 р. Так что в первый же год (7—8 месяцев) колхоз достиг заработка „самого богатого“ в прошлом члена колхоза.

¹ М. А. Немченко. Аграрная реформа Туркменистана. Новый Восток, 1927, № 19, стр. 124.

² Зем.-водн. реф. в Ср. Азии. Сбор. матер. под ред. И. С. Краснина. Изд. „Московский рабочий“, 1927.

Основным, конечно, и тут является „способ производства“. Колхоз стоит сейчас на отводе воды из общего русла, но делает себе кяриз (это наиболее употребляемая форма орошения в данной местности). Устраивая себе кяриз, он увеличивает площадь орошаемых земель, что дает возможность увеличить прием в колхоз.

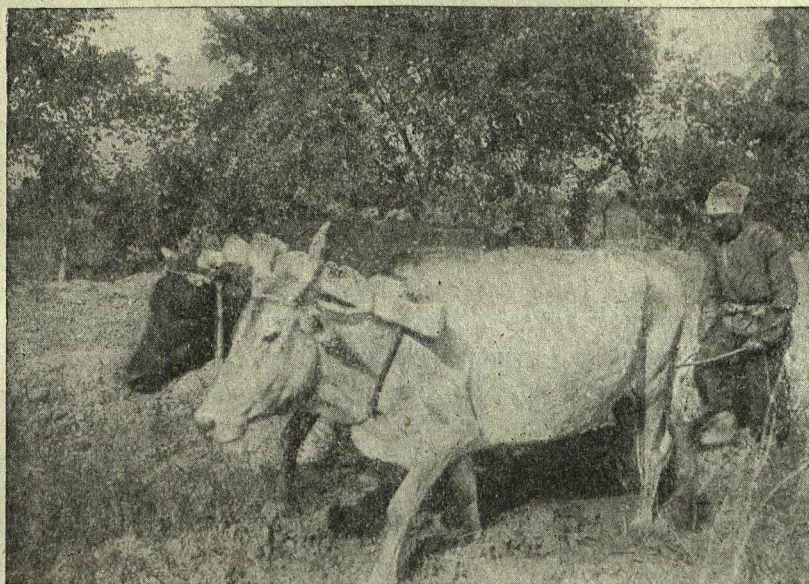
Увеличение полива на 15 секундо-литров дает возможность колхозу принять еще 12 хозяйств. Итак, тут основным является как наличие

Фиг. 4.

таналов (земли), с одной стороны, так и наличие воды, с другой. Я особенно отмечаю значение здесь воды. Орошение колхоза таким образом децентрализовано, что придает колхозу некоторую экономическую самостоятельность. Мелкая структура площадок, на которых происходит посадка, основное звено огорода, еще не знает машинной обработки. Вся обработка происходит при помощи чрезвычайно примитивных орудий труда. Альфой и омегой средств производства, кроме воды и связанных с ней орудий труда, являются кетмень и азаль—соха, вроде обычного

омача. Азаль по времени (те, которые употребляются у туркмен) чрезвычайно стар: это—примитивный вид сохи, в которую впрягается пара быков (фиг. 4 и 5). Размоченный лесс с помощью даже этого первобытного орудия легко разрыхляется, подготавливая предварительно почву для посадки. В колхозе на азале работает один человек, который подготавливает землю. Основная же работа происходит с кетменем (фиг. 6). Кетмень — это та же мотыка „эпохи железа“, русская сошка для окопки и взрыхления, она по Туркмении служит основным сельскохозяйственным орудием, с помощью которого

Фиг. 5. Пахота азалем.

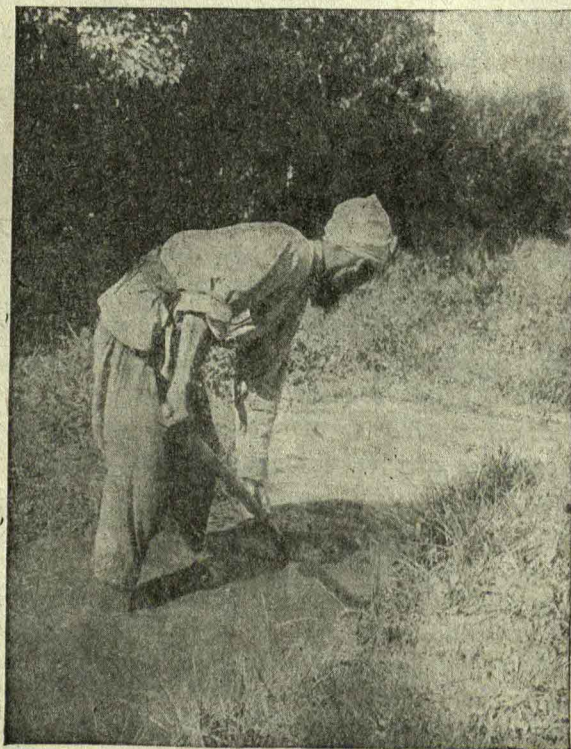
происходят почти все процессы сельскохозяйственного труда, особенно по огородам. Туркмены-колхозники меня уверяли, что кетмень машиной на огороде не заменить, что свойство огорода (мелкие площадки) не позволит заняться машиной. Эти два типа орудий определяют в основном техническую вооруженность колхозника. Помимо кетменя, при орошении еще употребляется арычная лопата (фиг. 7), с помощью которой происходит перекопка канав, регулировка поливов, т. е. фактический ход полива, орошения. В колхозе мирабом является тот, который имеет штат арычников в 6 человек, обязанных дежурить по очереди по 2 человека. Их снаряжение — фонарь, если работают ночью, два типа лопат (одна для рытья, другая, при помощи которой сглаживаются края канавок, арыков) и кетмень. Мираб в колхозе — это опытный водопользователь, человек, пользующийся авторитетом в колхозе, он дает каждой

смене задания по орошению. Арычники ходят по танапам, запускают воду и, после того как вода наполнит этот своеобразный бассейн до краев, закрывают доступ воды и переводят в следующий танап. Поскольку в данном колхозе объединена земля, ликвидировано собственническое „я“, постольку работа арычников носит „децентрализованный“ коллективный характер. Мираб и арычники внутри колхоза не могут быть ставленниками чьей-нибудь собственности, ибо она тут подорвана (если исключить влияние извне). Арычники и мираб как бы стоят в „техническом производственном отношении“ к тем, кто занимается непосредственно коллективной обработкой самой земли и посадкой. Ликвидированное право на предмет труда поставило рабочие коллективы колхоза (я разбиваю здесь на две основные группы — арычники и „земледельцы“) в дружественные, равные „технические взаимоотношения“, которые не могут, в силу сложившихся обстоятельств, перерасти во взаимоотношения полярно-противоположные. Итак, вместе с теми орудиями труда, которые есть у колхозников, даже не вооруженных машиной, мы имеем уже новые социальные отношения, мы имеем на-лицо уничтожение классовых противоречий, верней базы классовых противоречий, и замену последней единым коллективным трудом. Значит, ставить вопрос так, что мы не имеем машин, мы не имеем новой техники и т. д. и т. д. и поэтому нам не надо организовывать колхозы, является в корне неправильным, ибо, помимо того, что уже „простое сложение крестьянских орудий“¹ дает огромнейший эффект; мы в самой социальной организации имеем перелом в виду ликвидации частной производственной базы — земли. Внутренняя организация труда в колхозе также интересна, так как она способствует основному закреплению экономического и социального перелома. Правление колхоза: юз-баши (сотник, я бы его назвал главным мастером цеха), он-баши (десятники), его помощники, которые уже на участках ведают ходом работ, — вот та несложная конституция „демократического централизма“, которая и проста и понятна и которая в основном оправдывает плановое руководство коллективного производства внутри колхоза. Однако надо отметить, что элементы плановости заменяются иногда стихийностью (последнее не господствует); так, напр., если даны участки работ и они неравномерно распределены или если надо решить, кому раньше получить выходной день, — бросают жребий, результаты жребия для всех обязательны. В основном такова структура производственной жизни. Срыв работы, неприход по неуважительным причинам влекут за собой вычет в размере дневного заработка, а после трех раз — возможно исключение. Деньги же идут в неделимый фонд колхоза и для премирования лучших ударников „выполнителей соцсоревнования“.

¹ Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 2, дополн., стр. 555.

Фиг. 6. Посадка капусты

Фиг. 7. Арычник.

В борьбе с прогулами колхозники столкнулись с терьячниками (курители опиума), которых не знают, как воспитать, чтобы они стали дееспособными членами колхоза. Постановили, что терьячникам дать возможность лечиться в Ашхабаде, сохранив за ними зарплату. Если они не будут лечиться, то будут исключены из колхоза. Такова борьба с „социальными пороками“; терьячники здесь — определенно социальное зло. Характерно постановление для коллективной заинтересованности колхозников. Все постановления, конечно, идут через общие собрания, которые всегда в колхозе обеспечены 100% явкой. Интересно, что женщины еще не участвуют в собраниях. Положение с женщиной еще очень своеобразно и далеко несовершенно. Энгельс расценивает положение женщины на Востоке, как рабство: „Иное дело домашнее рабство на Востоке, здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом“.¹

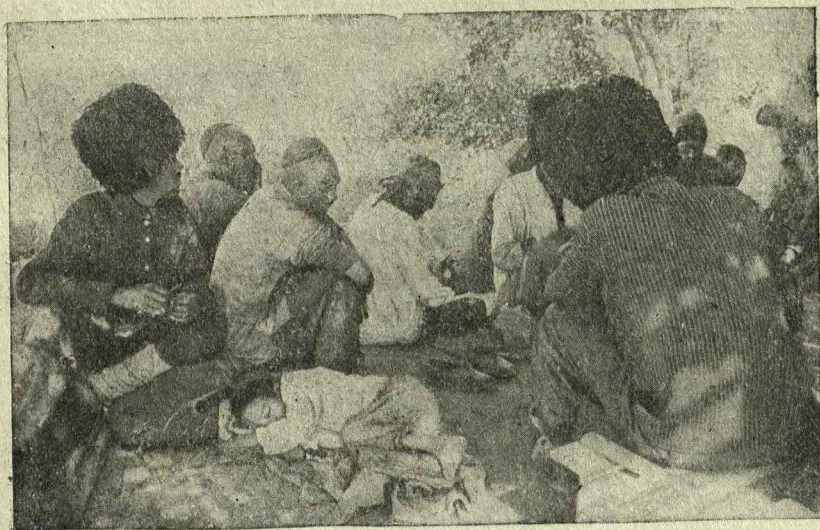
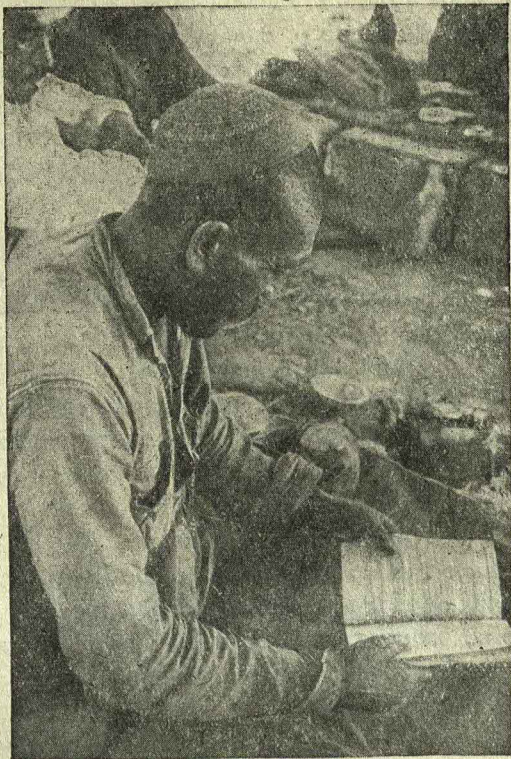
Именно положение женщины во многом напоминает рабство, являясь тяжелой формой ее закрепощения. Разделение труда внутри семьи сводится к огромной нагрузке женщины. Странно, что женщину совершенно не пускают к земляным работам в колхозе, утверждая, что женщина не может работать.

При снятии урожая и во время борьбы с карадриной (вредитель хлопка) колхоз „Захмет“ „допустил“ на поля женщин, достигнув большого производственного эффекта. Еще большим эффектом является то, что женщина, становясь равной в колхозе по труду, узаконяет свое право свободного человека, ликвидируя домашнее рабство. В колхозе „Захмет“ есть 2 женщины, члены колхоза, вдовы, которые являются лучшим доказательством того, что женщина может и должна стать равноправным действительным трудящимся. Я обхожу ряд вопросов, касающихся раскрепощения женщины, а отмечаю только то, что уже изменило колхозное строительство, на первом этапе своего существования. Надо ставить вопрос о максимальном вовлечении женщин в практическую работу колхоза, ибо, как это показала практика колхозного строительства, это есть единственный путь к раскрепощению женщины, к созданию действительного ее равноправия. Итак, в пределах Востока мы должны ставить не только вопросы стирания грани между городом и деревней, но и стирания грани между членами рода, между членами семьи. Стирание тех граней, тех отличий, которые закабаляют класс, а в данном случае и женщину.

Ликвидация основного (право единоличного хозяйства) делает возможным получить коллектив социально-нового качества, коллектив, хозяйствующий по социалистически. Эта социальная организация имеет свое пре-

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 60.

Фиг. 8. Юзбаши за
чтением Ленинской
грамоты на туркмен-
ском языке

Фиг. 9. На собрании (нет женщин).

пятствие, которое заключается во внутреннем порабощении женщин, которое в большей степени решится коммуной, где централизованная система хозяйствования, которая дает полные возможности (экономического уже порядка) освободиться ей от рабства.

Мало остановиться только на этом. Не только ликвидация личного хозяйства есть стимул коллектива. Совершенно исключительную роль сыграла земельно-водная реформа.

Увеличение количества земельных декхан, увеличение наделов больше-семейным, перенос кулацких хозяйств на конец оросительной сети, та огромная роль, которую сыграл пролетариат, из рук которого декханин получал свою экономическую независимость,—все это, конечно, упрощает союз города и деревни.

Одной из интересных форм классовой борьбы является кулацкая агитация среди колхозников против пролетария, против индустриализации, что все „это не для нас“, что „мы не связаны с индустриализацией“ и т. д., что „индустриализация—это не наша производственная помощь“. Все это есть борьба против пролетарской диктатуры со стороны пан-тюркистов, пан-исламистов и т. п. прислужников национальной буржуазии. Интересно, что эта агитация наиболее опасна в таких местах, как Багир. Кяризная система, огородничество без машин не создают, казалось бы, прямой зависимости деревни от города, а для кулака являются первой, основной базой агитации.

Кяризные районы, которые своей системой землеорошения непосредственно не связаны с централизованной системой, чрезвычайно отстали, в них больше преобладают личные, собственнические интересы. Это места, в которых максимально нужно разворачивать политпросветработу, способствуя укреплению колхозного сознания, выявляя ту огромную связь, которая, хотя и незаметно для самого колхозника, существует между городом и деревней в ее новом экономическом, политическом и культурном содержании.

Таким образом, описанный мною колхоз, несмотря на свое короткое существование, начал расти в смысле переделывания человека, трансформации человека посредством коллективного труда, коллективного производства. И это оказалось сильнее, чем всякие общины, роды и т. д. Характерно, что сам состав колхоза чрезвычайно „разнороден“, что в колхозе отнюдь не влияет на ход дела род при правильной организации труда, при наличии значительной пролетарской прослойки.

Состав колхоза по родовым делением

maxtum	7 чел.	talapli	2 чел.
komur	16 „	kurd	5 „ ¹
karapci	8 „		

¹ Остальные не знают своего подразделения рода.

Даже само правление — из нескольких делений. Таким образом, уничтожение внутри-родовых делений также успешно производится самим колхозом.

„Ликвидация классовых различий, пережитков индивидуалистической психологии — долгий процесс, и их полное выкорчевание закончится уже следующим поколением. Обостренная уже классовая борьба, которая идет в ауле, в самом колхозе уже идет на убыль и будет уменьшаться по мере укрепления колхозов, по мере их механизации“ (Сталин).

Два слова в заключение.

Колхозная политика уничтожает классы диалектическим путем, путем ожесточенной классовой борьбы. Период строящегося социализма ликвидирует противоположность между городом и деревней. Колхозник поворачивается к городу, где ждет его производственная помощь, он „получает теперь от города машину, трактор, агронома, организатора, наконец прямую помощь для борьбы и преодоления кулачества“.¹

Условий „азиатского“ исторического развития, разделяя город и деревню, разделили страну и страну. Россия и колония, государственная жизнь и племенной быт — вот, что было в Средней Азии. И именно то, что Маркс и Энгельс называли „племенной быт“, „варварство“, то, отчасти в искаженном виде, и дошло до наших дней. Аул Туркмении в лапах кулака представлял ту „общину“, которую „эксплоатировал русский город“. „Отделение города от деревни, противоположность между ними и эксплуатация деревни городом — это повсеместные спутники развивающегося капитализма“.² Сейчас противоречие города и деревни уничтожается. „Уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности (Gemeinschaft), условием, которое, в свою очередь, зависит от массы материальных предпосылок и которое, как всякий видит сразу же, не может быть осуществлено одной только волей (эти условия должны еще быть развиты)“.³

Материальные предпосылки, созданные пролетарской революцией дали возможность отсталым национальностям строить социализм. На базе развивающегося коллективизма национальная республика Туркмении раз и навсегда уничтожает противоположность города и деревни.

Февраль 1931 г.
Ленинград.

¹ Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 2 дополн., стр. 559.

² Ленин. Изд. 2, т. II, К характеристике экономического романтизма, стр. 80.

³ То же, стр. 234.